

— Нельзя.

— Почему?! — Нин Буюй чуть крепче сжала рукоять костыля, изо всех сил стараясь удержать на лице невозмутимое выражение. — Преподаватель, разве в нашей академии всегда не разрешалось подавать заявку на проживание вне кампуса?

Линьчжоуский торгово-экономический институт славился своей независимостью и никогда не принуждал студентов жить в общежитии.

К тому же материальное положение большинства учащихся было вполне достойным, и многие предпочитали снимать жилье за пределами кампуса.

Если не брать в расчет отдельные специальности с особо напряженным учебным планом, студенты, имеющие на это возможности, обычно совмещали учебу, курсируя между городом и общежитием.

Нин Буюй полагала, что сегодняшний визит — всего лишь формальность, но никак не ожидала отказа.

Верно, Нин Буюй все же пришла на зачисление именно сегодня.

Поддавшись на слезы и уговоры Ю Гуаньци, Нин Буюй в конце концов не выдержала и смягчилась.

Ничего не поделаешь, она просто физически не могла проявить твердость перед этим же самым лицом.

Они договорились, что максимум через три месяца поменяются обратно: к тому моменту Нин Буюй вернется в учебное заведение, а всю заваренную кашу Ю Гуаньци будет расхлебывать сам, и ее больше совершенно не будет волновать, выживет он или нет.

Приняв решение, Нин Буюй несколько дней отдохнула дома, а затем под предлогом поисков вдохновения удалилась из родительского гнезда.

Ю Гуаньци, выждав пару дней, тоже сослался на необходимость заранее приехать в Линьчжоу, чтобы привыкнуть к новой обстановке, и тут же последовал за ней.

Они встретились в заранее оговоренном городе и обменялись своими удостоверяющими личность вещами.

Например, телефонами, а также университетским письмом о зачислении Ю Гуаньци.

Пришлось внести и внешние коррективы: Нин Буюй подстригла волосы, приклеила искусственный кадык и надела обувь на скрытой платформе. Ю Гуаньци же облачился в парик и женское платье.

Что касается голоса, Нин Буюй было достаточно просто немного изменить тембр.

Брат и сестра в свое время, в период подросткового максимализма, занимались озвучкой.

Тогда они были безумно увлечены аниме и постоянно баловались косплеем.

А умение менять голос казалось им, подросткам, чертовски крутой штукой.

По этому случаю они даже устроили знатный фурор и собрали толпы поклонников в школе, изрядно пофорсив и покрасовавшись.

Убедившись, что во внешности больше не к чему придраться, Ю Гуаньци отправился за своей мечтой.

Какая именно это была мечта, Ю Гуаньци распространяться не стал.

Нин Буюй же, прихватив извещение о зачислении, направилась в заранее арендованную неподалеку от института квартиру.

Первый день ушел на знакомство с окрестностями, во второй она в общих чертах осмотрела территорию учебного заведения.

А на третий день, в строгом соответствии с датой в фальшивой медицинской справке, «случайно» травмировала ногу.

Справку подготовил Ю Гуаньци — ума не приложу, как он ее достал.

Мало того что травма была запланированной, так еще и все документы в порядке, и печати выглядели как настоящие.

Оповестив родителей и вежливо отклонив их предложение приехать лично, чтобы ухаживать за ней, она преспокойно осталась «залечивать рану» в съемной квартире.

И вот, дождавшись дня зачисления, Нин Буюй отправилась оформляться в институт, вооружившись письмом о зачислении и медкартой.

Для пущей правдоподобности она предварительно намотала на ногу толстый слой бинтов.

Если судить исключительно по внешнему виду, нога казалась распухшей вдвое.

В первый же день регистрации Нин Буюй приковыляла в учебное заведение на костылях, то и дело подпрыгивая на одной ноге.

Поиски нужного факультета, специальности, группы, подача документов — все прошло гладко.

Из-за ее костылей другие поступающие и студенты-волонтеры, помогавшие на регистрации, проявили максимум заботы.

Мало того что ей разрешили пройти без очереди, так еще и довели до самого учебного отдела.

Отыскав нужного преподавателя, Нин Буюй объяснила цель своего визита, но не успела она даже передать заявление, как услышала отказ.

Нин Буюй на секунду растерялась, но тут же взяла себя в руки.

— Преподаватель, что-то не так с документами? Они составлены не по форме или чего-то не хватает? — вежливо поинтересовалась она.

— Нет, — преподаватель покачал головой. — С документами все в порядке.

— Просто в институте ввели новые правила: начиная с этого года все первокурсники обязаны жить в общежитии в течение первого семестра, а подать заявление на проживание вне кампуса разрешается только со второго.

— !

Зрачки Нин Буюй слегка сузились, спина невольно выпрямилась, а пальцы крепче сжали костыль.

— Преподаватель, скажите, когда именно были введены эти правила? И по какой причине? Разве для студентов с такими особенностями здоровья, как у меня, не может быть исключения?

— Правила ввели в середине месяца, информация публиковалась в официальном аккаунте института в соцсетях. Разве вы не читали?

Еще одна студентка, которая невнимательно следит за объявлениями, мысленно вздохнул ответственный преподаватель.

Тем не менее он терпеливо пояснил — судя по всему, Нин Буюй была далеко не единственной, кто оказался не в курсе.

— Институт вводит это требование для того, чтобы создать у студентов больше возможностей для общения и укрепить связи между ними.

Если все живут поодиночке, а встречаются только на парах, отношения между однокурсниками получаются слишком уж отстраненными.

Разумеется, именно так звучали официальные слова руководства, но какова была истинная подоплека — оставалось только гадать.

Преподаватель, разумеется, заметил состояние Нин Буюй, бросив взгляд на ее забинтованную культю и костыль.

— Особенно в вашей ситуации вам просто необходима помощь сокурсников и соседей по комнате, это отличный шанс проявить товарищескую взаимовыручку.

Хотя на лице Нин Буюй при этих словах по-прежнему сохранялась улыбка, в мыслях она уже успела помянуть Ю Гуаньци раз восемьсот.

Ах ты ж чертов вредитель, Ю Гуаньци!

Неужели нельзя было дочитывать объявления до конца?!

Сейчас Нин Буюй испытывала лишь глубокое, всепоглощающее раскаяние: не стоило поддаваться на жалость.

С самого детства Ю Гуаньци проворачивал одни и те же фокусы, они водились за ним уже больше десятка лет — с чего вдруг она снова размякла?

Теперь же Ю Гуаньци преспокойно разгуливал под ее именем, и черт знает, куда его занесло.

Лицо Нин Буюй помрачнело. Она-то думала, что эта новость — хуже некуда.

Но оказалось, что впереди ее ждали известия еще неприятнее.

— Да, кстати, с этого года студенты, подавшие заявление на отсрочку прохождения сборов, также обязаны присутствовать на плацу во время военных тренировок.

Преподаватель, заметив, как из-за помрачневшего лица студентки та выглядит все более

отчужденно, добавил еще одну фразу:

— Это тоже новое правило, о нем тоже сообщалось в официальном аккаунте.

Обычно каждый абитуриент, получив письмо о зачислении, начинает следить за институтской страницей, чтобы быть в курсе любых обновлений.

А если чего-то не знаешь или не получал — значит, сам виноват.

— Преподаватель, неужели мне с поврежденной ногой тоже придется ходить на тренировки?

И как она должна тренироваться? Она же сейчас форменный инвалид!

Что ей делать, кроме как стоять на одной ноге?

— Тренироваться не нужно, но необходимо находиться рядом, наблюдать и сопровождать остальных. Наш институт делает упор на сплоченность и взаимовыручку.

Преподаватель со всей серьезностью пропагандировал ценности заведения, исполняя свой долг до конца.

Какая к чертям собачьим сплоченность и взаимовыручка!

Не проще ли просто согнать всех людей на открытое солнце, чтобы они там жарились?!

Она ведь просила об отсрочке тренировок, а не об освобождении от них!

Ей же придется отрабатывать всё это следующим летом!

Нин Буюй выдавила из себя кроткую, вежливую улыбку, делая последнюю попытку всё исправить.

— Преподаватель, неужели действительно нельзя сделать исключение? Я ведь уже сняла квартиру.

Преподаватель снова покачал головой, безжалостно захлопывая любые лазейки, и повторил:

— Нельзя. Ни для кого и ни при каких обстоятельствах, проживание в общежитии обязательно для всех, включая детей членов попечительского совета.

— Исключение делается лишь для врожденных, необратимых и крайне редких особых патологий.

Очевидно, что ее «поврежденная нога» под эту категорию не подпадала.

— Раз вам неудобно передвигаться из-за травмы, можете вызвать такси, чтобы подвезти багаж прямо к корпусу общежития, а потом попросить волонтеров затащить сумки наверх.

Опасаясь, что Нин Буюй начнет переживать насчет лестниц, преподаватель с готовностью расписал все плюсы альма-матер.

— Не переживайте, в общежитиях нашего института есть лифты, это очень удобно.

И что оставалось делать Нин Буюй? Раз уж разговор зашел так далеко, ей оставалось лишь забрать документы и вежливо поблагодарить преподавателя.

Выйдя из кабинета, Нин Буюй заковыляла в поисках какого-нибудь укромного уголка.

Она достала телефон и принялась набирать номер: она твердо намерена вытащить Ю Гуаньци обратно.

В текущей ситуации она уже ничем не могла помочь, тут ее желания явно расходились с возможностями!

— Гудки, гудки, гудки...

Длинные гудки продолжались один за другим, трубку никто не брал, а на сообщения не отвечали.

Нин Буюй снова выругалась про себя: паршивый ублюдок, чтоб тебя!

Если бы Ю Гуаньци сейчас стоял перед ней, она бы наверняка затыкала его костылем до смерти!

Теперь Нин Буюй оказалась меж двух огней, и ей не оставалось ничего другого, как скрепя сердце плыть по течению.

Не бросать же этого дурака на произвол судьбы.

— Ну погоди у меня, Ю Гуаньци! Вернешься — лично сорву с твоей дурной башки все зубы, иначе я больше не твоя сестра! — скрежеща зубами, мысленно проклинала его Нин Буюй.

<http://bllate.org/book/19351/1892119>